

МЕСТНИЧЕСТВО

Авторы: Ю. М. Эскин

МЕСТНИЧЕСТВО, в Рус. гос-ве в 15 – кон. 17 вв. система социальных, служебных и бытовых норм в среде знати; в сер. 16 – кон. 17 вв. также иерархия членов

[Государева двора.](#)

Восходит, по-видимому, к известному с 14 в. обычаю распределения мест моск. бояр за княжеским столом (отсюда сам термин «М.»). Складывалось с сер. 15 в. в связи с включением в Государев двор [князей служилых](#) и необходимостью соотнесения их статуса с положением старомосковского боярства. Окончательно оформилось к сер. 16 в. На протяжении своего существования М. эволюционировало как институт, расширяясь за счёт включения в местнич. отношения новых возвышавшихся родов и угасания родов старой знати, а также по мере сужения сфер его применения гос. властью.

Таблица 1. Соотнесение «мест» в роде

	1-й			
Братья		2-й		
			3-й	
	1-й			4-й
	2-й	1-й		
Сыновья братьев	3-й	2-й	1-й	
	4-й	3-й	2-й	1-й
		4-й	3-й	2-й
			4-й	3-й
			4-й	

«Место» лица в иерархии знати определялось служебным положением предков (а

также давностью этого положения) и ближайших родственников: лицо, у которого боярином был дед, могло претендовать на более высокое назначение, чем тот человек, у кого боярином был отец. Учитывалась только мужская линия рода, старшинство внутри него определялось по принципу: каждый младший брат одной ступенью («местом») ниже старшего брата; 1-й сын 1-го брата был «равен» 4-му брату, т. е. своему младшему дяде (табл. 1). Личные заслуги лица и др. обстоятельства (напр., родство или свойство с великокняжеской, позднее с царской фамилией) в ряде случаев позволяли ему занять более высокое место в иерархии, чем то, на которое оно могло претендовать на традиц. условиях, и в дальнейшем повышали статус его потомков.

М. – одно из важнейших структурообразующих факторов в развитии рус. знати. Оно способствовало консолидации знати (первоначально высшей, впоследствии вплоть до провинциальных дворовых корпораций), выработке единой позиции в её отношениях с гос. властью и с провинц. служилой массой, формированию системы офиц. и неофиц. социальных и политич. связей как внутри родов, так и между ними, а также между родами и гос. аппаратом.

По нормам М. проводилось назначение на подавляющее большинство гос. должностей. Следили за правильностью их применения компетентные в генеалогии знати дьяки Разрядного приказа, в котором все назначения фиксировались, затем ежегодно сводились в разрядные книги и учитывались при новых назначениях.

В Боярской думе М. отсутствовало, порядок «сидения» и выступлений её членов не фиксировался разрядами и не мог служить прецедентом для местнич. споров.

В сфере центрального управления местнич. отношения были простыми, т. к. установить правильную иерархию между 2–3 судьями одного приказа было несложно. На более низких должностях родовитые люди практически не служили, поэтому приказная служба была меньше связана с местничеством.

В сфере местного управления существовало неск. типов М.: а) между 2–3 воеводами одного города; б) между городовой воеводой и полковым воеводой, возглавлявшим в этом районе войска (последний, как правило, считался старше); при этом в местнич.

спорах никогда не выдвигались понятия «значимости и древности» города (т. к. исторически более молодой город, напр. в Сибири, мог принести бóльшую выгоду), кроме того, посылка на городское воеводство (особенно длительное) крупного вельможи иногда бывала связана с опалой; в) коллективно между дворянскими корпорациями разл. уездов: местничали против корпорации, занявшей более высокое место в списке на ежегодном или полугодовом «смотре» и, возможно, получившей поместный и денежный оклад быстрее или больше; г) всей уездной дворянской корпорацией против присланного воеводы (обычно 2-го), который по знатности мог оказаться на равных с верхушкой городских служилых людей. Претензий уездных корпораций известно немного, правительство их обычно удовлетворяло.

Особенности М. в придворной сфере были связаны с тем, что главы дворцовых ведомств, лица, имевшие придворные чины, и прочие обычно относились к числу фаворитов или были связаны родств. отношениями с царской семьёй. За столом в присутствии государя рассаживались по чинам согласно церемониалу и этикету, а лица одного чина (напр., окольниковые) – по местнич. счёту. Споры происходили при подготовке и проведении торжеств. церемоний (венчаний на царство, свадеб, похорон, крестных ходов, приёмов послов), «походов» царей по монастырям и летним дворцам. За «место» спорили рынды, стольники, распорядившиеся трапезами, свадебные «тысяцкие», «дружки», в поездках – «ухабничие» и пр.

В военной службе регламентация «мест» по полкам была установлена «Приговором о местничестве» 1550 царя Ивана IV Васильевича Грозного, который, однако, ввиду туманности формулировок оставил многое на произвол судей и спорящих сторон. В каждый полк назначалось от одного до четырёх воевод. Выше всех стоял 1-й воевода большого полка, что укрепляло единоначалие в войсках. «Места» первых воевод др. полков по большей части соответствовали «месту» 2-го воеводы большого полка. В то же время в одних случаях их статус формулировался как до такого-то «дела нет, без мест», в др. случаях – «не меньше...», что открывало широкое поле для истолкования. Особенно неясно было положение воевод полка левой руки: они были «не меньше» воевод передового и сторожевого полков, которые были «не меньше» воевод полка правой руки, однако при этом воеводы полка правой руки были «больше» воевод полка левой руки. 1-й воевода полка левой руки [1-й (а), 1-й (б)] в разных случаях мог

быть равен 2-му или 3-му воеводе большого полка и, соответственно, первым или вторым воеводам остальных полков (табл. 2).

Таблица 2. Соотнесение «мест» по полкам

	Полки				
	большой	правой руки	передовой	сторожевой	левой руки
	1-й				
	2-й	1-й	1-й	1-й	1-й (а)
	3-й	2-й	2-й	2-й	1-й (б)
Воеводы	4-й	3-й	3-й	3-й	2-й
		4-й	4-й	4-й	3-й
					4-й

М., основанное на обычном праве, защищалось гос. судом. Важнейшими актами гос. власти, регулировавшими М., являлись: «Приговор о местничестве» (1550; с подтверждениями 1604, 1620), «Государев родословец» (1555–56), «Государев разряд» (1556), «Приговор» («уложение») о местническом понижении родни лица, отъехавшего от государя (сер. 16 в.), указы о равенстве 1-го племянника 4-му дяде (не позднее 1579), о несчёте «родословных» людей с «неродословными» (впервые упоминается в 1589), акты Земских соборов об избрании царей (1598, 1606, 1613) и пр.

Конфликты разбирались либо лицом, осуществлявшим назначение, либо боярской комиссией, назначенной царём, иногда под его руководством. Стороны ссылались на прецеденты более высоких, чем у соперника, назначений членов своего рода. Судьи проверяли факты по разрядным книгам, архиву Разрядного приказа, документам из личных архивов, собирали свидетельские показания, производили сложные сравнит. подсчёты «мест» предков соперничавших сторон. В Разрядном приказе и у частных лиц имелись спец. справочники для поиска прецедентов («скорого приискания случаев»), сб-ки сведений о низких, позоривших тот или иной знатный род службах (стрелецкими командирами, городовыми приказчиками, «недельщиками»-курьерами в

приказе и пр.). По приговору суда проигравший обвинялся в нанесении «бесчестья» выигравшему и автоматически становился «ослушником государевой воли», приговаривался к штрафу, кратковременному, часто символич., аресту, иногда – телесному наказанию (также символическому). Особой формой наказания был ритуал «выдачи головой» – проигравшего приводили под конвоем на двор к победителю, где надо было публично просить прощения. Отказ подчиниться приговору мог привести к более серьёзной опале. Местнич. тяжбы часто тянулись годами и не завершались. Иногда принималось решение о равенстве сторон. В материалах Разрядного приказа сохранилось ок. 200 дел и их фрагментов, известно св. 1700 местнич. споров, занесённых в разрядные книги. На время войн разбор местнич. дел откладывался.

С сер. 16 в. периодически объявлялось «безместие» во время воен. действий, иногда и в мирное время при дворе: с 1555 в дни отд. дворцовых церемоний (для рынд и др.), с 1598 – на царских свадьбах, венчаниях на царство и т. п. (в 1606 во время свадьбы царя *Василия Ивановича Шуйского* была сожжена разрядная роспись). Для обеспечения нормального функционирования местной власти «безместие» установлено с упразднением института наместников и введением в большинстве городов воеводского управления (2-я пол. 1550-х гг.), объезжим головам (см. в ст. *Голова*) оно объявлено в 1600 (окончательно закреплено в 1648). В посольской службе «безместие» введено в 1621. В 1622 установлено при «сказывании» думного чина, в 1649 – в приказной службе. Причиной окончательного исчезновения института М. стало то, что Государев двор со 2-й пол. 17 в. был уже не в состоянии удовлетворять потребности государства в кадрах для разраставшегося и усложнявшегося адм. и воен. аппарата. С 1678 «безместье» было введено во всех новоучреждённых службах, а также при проведении крестных ходов. В 1680 объявлена «вечная» отмена М. в войсках. 24.11(4.12).1681 обнародован указ о полной и всеобщей отмене М.; 12(22).1.1682 ликвидация М. подтверждена решением Земского собора.

М. – ключевой элемент светской субкультуры Рус. гос-ва 15–17 вв. В М. выработались моральные и этикетные нормы, историко-культурная и генеалогич. традиции. М. было основой воспитания молодого дворянина, учившегося защищать свой род от сторонних посягательств, и сыграло значит. роль в формировании дворянского самосознания. В

М. сформировалась даже собств. терминология (напр., поражение в конфликте или унижительное назначение – «потерька», победа в нём же или повышение по службе – «находка», приписать себя к знатному роду – «вклепаться»).

Литература

Источн.: Русский исторический сборник. М., 1838–1842. Т. 2, 5; Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849–1850. Кн. 4, 6; М., 1852. Кн. 14; Русская историческая библиотека. СПб., 1884–1889. Т. 9–11; Акты Московского государства. СПб., 1890–1901. Т. 1–3; Местнические дела 1563–1605 гг. Собраны и изданы Н. П. Лихачевым. СПб., 1894; «И Василей сказал, то де Артемей замыслил воровски...»: Документы о местничестве в среде приказной бюрократии XVII в. // Исторический архив. 1993. № 2.

Лит.: Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII в. Од., 1888; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1898; Василевская Е. А. Терминология местничества и родства // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1946. Т. 2; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – 1-й трети XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970; Буганов В. И. «Враждотворное» местничество // Вопросы истории. 1974. № 11; Мельников Ю. Н. Местнические дела в разрядном судопроизводстве 80-х гг. XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9; он же. Описание местнических дел 80-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994; он же. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009; Седов П. В. Конец местничества // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосиб., 2000; Berelowitch A. La hiérarchie des égaux: la noblesse russe d'Ancien Régime (XVI–XVII siècles). P., 2001; Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. М., 2001.